

ВОСЕМЬ
ОПРАВДАНИЙ
ЛУИ-ФЕРДИНАНДА
СЕЛИНА

Селезнёв Дмитрий

Дмитрий Александрович Селезнёв

Восемь оправданий Луи-Фердинанда Селина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390545

ISBN 9785448529375

Аннотация

Имя французского писателя Луи-Фердинанда Селина мало известно в России. В СССР за ним была закреплена репутация мизантропа и фашиста. Однако такое положение дел было не всегда. Первый же роман Селина «Путешествие на край ночи» был издан в Советском Союзе многотысячными тиражами. Селином восхищались Лев Троцкий, Луи Арагон, Андре Мальро, Юрий Олеша, Эзра Паунд, другие его известные современники. Данная книга раскрывает причины возникшей непопулярности Селина и представлена как речь в его защиту.

Содержание

Введение. Селин в России	5
Оправдание первое. Селин – участник Первой и Второй мировых войн	23
Оправдание второе. Путешествие Селина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Восемь оправданий Луи- Фердинанда Селина

**Дмитрий Александрович
Селезнёв**

Дизайнер обложки Павел Арсеньев

© Дмитрий Александрович Селезнёв, 2017

© Павел Арсеньев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2937-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение. Селин в России

Нельзя сказать, что французский писатель Луи-Фердинанд Селин пользуется широкой известностью у российской читающей публики. А для нечитающей его фамилия напомнит разве что улыбчивого актёра – героя современных отечественных сериалов про «ментов». А ведь его первый роман «Путешествие на край ночи» едва не получил в 1932 году престижную Гонкуровскую премию (вместо неё роману была присуждена сопутствующая «утешительная» премия Ренодо), был предметом скандалов и споров среди французских интеллектуалов того времени, а у нас, в России, после публикации в 1934 году, на первом всесоюзном съезде советских писателей послужил предметом бурного обсуждения.

Талант Селина тогда заметили и высоко оценили «левые» писатели и интеллектуалы Франции и Советского Союза, такие как Максим Горький, Луи Арагон и Андре Мальро. Жан-Поль Сартр взял эпитафией к своему знаменитому произведению «Тошнота» цитату из его произведения. Сразу после публикации роман «Путешествие на край ночи» был переведён на многие языки. Родоначальник красного террора и «альбатрос мировой революции», Лев Троцкий посвятил книге Селина статью «Селин и Пуанкаре», в которой написал: *«Луи-Фердинанд Селин вошел в большую литературу как другие входят в свой собственный дом. Зрелый че-*

ловек, искушенный в медицине и искусстве, наделенный абсолютным презрением к академизму и исключительным чувством к жизни и языку». Статья Юрия Олеши, опубликованная в «Литературном обозрении» №20 за 1936 год начинается со слов о Селине: «Это художник необычной силы», и далее в тексте он настаивает: «ещё раз хочется сказать, что это необычно сильный художник».

К моменту публикации своей первой книги Селину было тридцать восемь лет. К этому возрасту, зрелому для мужчины и несолидному для писателя, Селин подошёл с уже богатым скарбом впечатлений. Жизнь Европы начала 20 столетия была насыщена событиями и кризисами, которые, безусловно, затронули и Селина. Этому жизненному опыту мог позавидовать любой маститый писатель, и этого опыта с избытком хватало, чтобы воплотить его в страницы романа. Графоманом Селин уж точно не был, ему было о чём написать.

Он родился 27 мая 1894 в пригороде Парижа Курбевау в семье служащего страховой компании Фернана Детуша (настоящая фамилия Луи-Фердинанда Селина). Его мать содержала лавку, в которой торговала антиквариатом и кружевами. Доход от этой лавки позволил родителям дать Луи хорошее по тем меркам образование. В 1907 году Луи Детуш заканчивает государственную начальную школу. Учёба в Германии в 1907—1908 годах в пансионе Депхольце и учёба в 1909 году в английских колледжах Рочестере

и Бродстейрсе позволила ему свободно владеть английским и немецким языками, необходимыми для карьеры торговца во Франции, к которой, судя по всему, его готовили. Он вернулся в Париж в 1910 году и устроился на работу учеником торговца тканями. До конца 1912 года Луи Детуш успевает поработать у парижских ювелиров, побывать разносчиком, коммивояжером, агентом по продаже, писарем в газете. Этот период жизни даст материал для его второго романа «Смерть в кредит».

Но внезапно он решает изменить свою судьбу, и в сентябре того же 1912 года он записывается добровольцем в двенадцатый кирасирский полк. Через год он получает чин капрала. Первую мировую войну он встречает в чине унтер-офицера. Его полк находится в Лотарингии, который затем переводят во Фландрию. Там, в восточной Фландрии, Селин в бою получает ранение в голову, а потом и в правую руку. Эти ранения навсегда сделают его инвалидом. Вместе с ранениями он получает медаль, Военный крест и фото на коне в декабрьском номере журнала «Иллюстре насциональ» на первой странице. Ранение не позволило ему дальше участвовать в военных действиях, и можно сказать, учитывая смертность мужчин, державших в то время оружие, что ему повезло. После двух операций его в мае 1915 года переводят на работу в паспортный отдел Генерального консульства Франции в Лондоне.

Щедрой на приключения судьбе Селина было угодно, что-

бы его отправили весной 1916 года на другой континент, в Африку, в Камерун, где он стал надзирателем плантации, а потом и управляющим. В 1917 году, заболев дизентерией, он возвращается во Францию, где увольняется из армии. Селин не оставляет попыток осуществить свою юношескую мечту стать врачом, он участвует в кампании против туберкулёза, организованной фондом Рокфеллера, он объезжает всю Бретань, северо-западную провинцию Франции, где читает лекции об этом заболевании. Параллельно он возобновляет своё самообразование, которым занимался до войны. Селин сдаёт второй экзамен на бакалавра (первый он сдал до службы в армии).

В ходе этих поездок он знакомится со своей будущей женой, Эдит Фолле. Он женится на ней в 1919 году. Его жена из семьи медиков, она дочь профессора Фолле, который преподаёт в Школе медицины в Рене и который вскоре станет там директором. Данное обстоятельство и льгота ветерана войны позволило Селину поступить в это учреждение в 1920 году. Как Селин говорил впоследствии, он бы никогда не выучился на врача, если бы не женился.

Ещё несколько сухих фактов биографии Селина: 15 июня 1920 года у него рождается дочь Колетт, в 1924 году он защищает медицинскую диссертацию, работает в Комиссии по гигиене при Лиге Наций и поселяется в Женеве, отдельно от семьи, в 1926 году разводится официально. В 1925—1926 годах по работе он ездит по странам Европы, а также снова

попадет в Африку, а потом и в Америку. Описание жизни на этих континентах, как и свой опыт Первой мировой войны можно найти в его первом романе. «Путешествие на край ночи» – так он его назвал, ведь, что как не бесконечное путешествие составляла до романа жизнь Селина?

Он начинает работать над романом в 1929-ом, когда закончился его контракт с Лигой Наций, и когда он стал заниматься своей врачебной практикой в пригороде Парижа. Заканчивает книгу Селин в конце 1931 года, а публикует её в 1932-ом. Хотя Селин и до этого пытался писать и публиковаться, но написанные им пьесы «Церковь» и «Прогресс» не нашли интереса у издательств. Именно «Путешествие на край ночи» вызвало такой большой резонанс в литературном мире и стало его вторым рождением, рождением как писателя и, собственно, как и Селина – фамилия бабушки была взята для литературного псевдонима.

Роман, как упоминалось выше, имел оглушительный успех. Так что же случилось после такого успешного дебюта? Почему в России, а до этого в СССР, хорошо знают других великих писателей, которые «нашли себя» в окопах Первой мировой, например, таких как Хемингуэй и Ремарк, а Селина скрывает мрак безызвестности? Дадим право ответа шестому тому Краткой Литературной Энциклопедии от 1971 года, который заодно за автора этой книги вкратце опишет и жизнь Селина после его «Путешествия...»:

«СЕЛИН (наст. имя Детуши Луи-Фердинанд) (27 мая 1894,

Курбевуа – 1 июля 1961, Медон) – франц. писатель. Сын чиновника. Врач по образованию. Беллетризованная исповедь С. в нацистских романах «Путешествие на край ночи» (1932, рус. пер. 1934) и «Смерть в кредит» (1936) отразила ужас буржуазного существования, натуралистически зафиксировала превращение «маленького человека» в волка среди волков. В 1936 С. приезжал в СССР, после чего напечатал поклеп на коммунизм – памфлет «Mea culpa» (лат. «Моя вина», 1936). Тем самым подтвердилось духовное тождество С. и Бардаму, героя «Путешествия», суть которого определил М. Горький, выступая на I-м съезде советских писателей: «... не имея никаких данных «прикннуть» к революционному пролетариату, вполне созрел для приятия фашизма» (Собр. Соч, т. 27, 1953, с. 313). Фанатичный апологет нацизма, С. проповедовал яростный антисемитизм (памфлет «Безделицы для погрома», 1937), защищал теорию и практику гитлеровского расизма и культа силы (памфлет «Школа трупов», 1938), раболепствовал перед немецкими оккупантами, призывая реформировать Францию на фашистский манер (памфлет «Время затруднений», 1941). Летом 1944 С. бежал в Германию, а в канун ее краха перебрался в Копенгаген. Реакционеры выхлопотали амнистию С., и он возвратился во Францию (1951). В 40-е гг. продолжал цинично глумиться над жизнью и собой: роман «Марионетки» («Guignol's band» 1, 1944), повесть «Траншея» («Casse-pipe», 1949). Разгром фашизма вы-

звал у С. ожесточение (записки «Феерия для иного случая», 1952, очерк «Норманс», 1954). Автобиографические хроники «Из замка в замок» (1957) и «Север» (1960) посвящены агонии французских лидеров коллаборационизма в Германии, предсмертным дням фашистского режима. Хаотично-сумеречное сознание Селина излучало до конца дней истеричную ненависть к человечеству («Беседы с профессором Игрек», 1955)».

В этом достаточно полном описании литературной жизни Селина, пусть и пропущенном через идеологическую призму, забыли только указать роман «Ригодон», который он закончил редактировать буквально за день до своей смерти в 1961 году, сам роман был выпущен уже в 1969 году.

Это досье из советской энциклопедии делает понятной неизвестность Селина в СССР. В стране, «победившей фашизм», не могло быть места писателю, стоявшему на стороне фашистов. Но, нужно отметить, – «...раболопствовал перед немецкими оккупантами...», «...продолжал циничного глумиться над жизнью и собой...», «...хаотично-сумеречное сознание Селина излучало до конца дней истеричную ненависть к человечеству...» – на мой взгляд, не каждый автор, который не разделял советской идеологии и сотрудничал с фашистами, удостоился в СССР таких эпитетов и фраз, язык которых можно только сравнить с языком современных северокорейских коммюнике. На мой взгляд, только исключительный человек мог вызвать такие дифирамбы.

Даже Пьер Дриё Ла Рошель, ещё один французский писатель и талантливый публицист Франции, автор «Фашистского социализма», активный коллаборационист по совместительству, к которому в компанию записывают и Селина, не удосужился таких эпитетов от вышеуказанного источника. Когда стал очевиден крах фашизма во Франции Пьер Дриё Ла Рошель с третьей попытки самоубился в 1945 году, очевидно, боясь мести своих соотечественников.

Селин же не стал испытывать судьбу, как, например, оставшийся в Париже его бессменный издатель Роберт Денноэль, убитый впоследствии выстрелом в затылок в 1945 году, – Селин бежал в Данию, но был там арестован и провёл в камере более полутора лет, ожидая своей депортации, которая на тот момент могла означать для него только смертный приговор.

Так почему же Селин из пацифиста, из «анархиста левых взглядов», как для удобства определяли современники, стал «фанатичным апологетом нацизма», «яростным антисемитом», «защитником теории и практики гитлеровского расизма»? Посмею предположить, что виною этому стала наша Россия, которая в те годы подверглась социальному и политическому эксперименту, «построению социализма в отдельно взятой стране». Как уже упоминалось выше, Селин посетил нашу страну в 1936 году, и сразу после этого корабль его политического мировоззрения взял сильный крен вправо.

Именно после посещения СССР Селин разразился серией многостраничных антисемитских и антикоммунистических памфлетов, фигурирующих в досье советской энциклопедии, только от названий которых мороз идёт по коже, настолько они говорят сами за себя: «Mea culpa» («Моя вина»), «Безделицы для погрома» (переведено на русский как более близкое для восприятия, иногда употребляется перевод более близкий к оригиналу – «Резня из-за пустяков»), «Школа трупов», «Попали в переделку» (иногда переводится как «Влипли» или «Переполох»). Данные памфлеты произвели не меньший фурор в литературной Франции, не меньший, чем «Путешествие на край ночи». Впрочем, надо сказать, любое произведение Селина всегда находило бурный отклик у его врагов и немногочисленных друзей, что свидетельствует о его несомненной талантливости. Правда, после памфлетов это внимание к Селину было уже с большим и жирным знаком «минус».

Памфлеты окончательно развеяли мифы о «левизне» писателя, создали ему несмываемую репутацию человеконенавистника и антисемита, которой, впрочем, Селин никогда впоследствии и не стеснялся. С ним перестали здороваться не только прогрессивные, но и просто приличные люди. Как модно сейчас выражаться, он стал «нерукопожатным». В дальнейшем, после поражения Германии во Второй мировой, эти произведения служили поводом для его травли и уголовного преследования.

К сожалению селиноведов и, наверное, к счастью для всего остального человечества, данные памфлеты не публиковались со времени окончания Второй мировой войны – сначала из-за политической конъюнктуры, а потом, после смерти писателя, по решению вдовы Селина – поэтому мы можем оценить эти произведения только по их отрывкам, которые были разрешены к печати, а также по сохранившимся гневным цитированиям современников Селина.

В России были изданы (после крушения СССР, конечно) «*Mea culpa*» и отрывки из «Безделиц для погрома». По моему мнению, содержание памфлета «Моя вина» никого не должно было так удивить. Если до этого внимательно прочитать «Путешествие на край ночи» и «Смерть в кредит», то можно сделать вывод, что данный памфлет представляет собой концентрированную нигилистическую концепцию этих романов, очищенную от сюжетный перипетий. Правда, да, с добавкой антисемитизма. Но основной мыслью этого памфлета является то, что виной всех несчастий и страданий человека является не эксплуатация одним классом (буржуазия) другого (пролетариат), не абстрактный Капитал, как считают коммунисты с идеологом Марксом («... посмотрите на рожу {Маркса}, какую себе этот жирный боров отожрал!...»¹), а, прежде всего, сам человек. Эта мысль выражена в свойствен-

---

¹ Селин Л.-Ф. *Mea Culpa*/Пер. с фр. Э. Г. Родригеса и С. Юрьенена/Селин в России. Материалы и исследования. Сборник под ред. М. Климовой.-СПб.:Общество друзей Л.-Ф. Селина,2000.

ной автору экспрессивной манере:

«... Человек, как на небе, так и на земле, всегда имел лишь одного-единственного тирана – самого себя!.. Других не будет никогда... Это, может быть, кстати, и жаль... Может быть, это его и выправило бы, сделало бы, наконец, существом общественным...»².

Доказательную базу для этого вывода автор собрал именно в Советском Союзе, где «Прол Пролович» (придуманый Селином неологизм от «пролетария» в виде имени собственного) вроде как сорвал с себя цепи эксплуатации и должен быть жить долго и счастливо. Описание жизни в таком государстве, каким по идее стал СССР, Селин постоянно приводит в пример. «Безделицы для погрома» помимо «теоретических выкладок» в большей степени чем «Меа» изобилует описанием убогости советских больниц и нищего быта советских граждан. Селин, кстати, сам пострадал от советского сервиса, который так хорошо помнят люди, жившие до развала СССР. Несмотря на то, что он полностью оплатил свой номер в Интуристе, без его ведома и согласия и, к тому же, в его отсутствие вещи Селина были перемещены в худший номер по причине возникновения необходимости наличия комнат для молодёжного фестиваля, именно так администрация гостиницы обосновала свои действия. Этот

---

² Селин Л.-Ф. Меа Супра/Пер. с фр. Э. Г. Родригеса и С. Юрьенена/Селин в России. Материалы и исследования. Сборник под ред. М. Климовой.-СПб.:Общество друзей Л.-Ф. Селина,2000.

бытовой инцидент, безусловно, добавил масла в огонь. Приговор Селина молодому советскому государству был безжалостен. Если вкратце выразить его одной строкой (мы потом вернёмся к пребыванию Селина в России), то в этом случае подойдёт фраза, написанная им на открытке с видом из Зимнего, которую он отправил из Ленинграда в Париж: *«Говно! Если это будущее, следует наслаждаться гнусными условиями нашего существования...»*³.

На вопрос, кто виноват в таком положении вещей, Селин даёт однозначный ответ. Он, как и другой широко известный автор другой «Меа», книги, конечно, не так талантливо написанной, а я имею в виду «Мую Борьбу» (её написавшего представлять, думаю, не надо) возлагает вину понятно на кого:

*«...Оргазм евреев, плоды горячечной фантазии чернокожих ублюдков, смешать нас всех с дерьмом, запугать, унижить, растоптать, сделать более жалкими и трусливыми, чем эти отвратительные жабы из гетто. А потом, вдоволь поизмывавшись над нами, выпить из нас всю кровь и выбросить в отхожее место... Таков наш счастливый удел!..»*⁴.

Публикация памфлетов естественно сопровождается

---

³ Юрьенен С. «Инженеры душ» на краю ночи. Селин в России. Материалы и исследования. Сборник под ред. М. Климовой. -СПб.:Общество друзей Л.-Ф. Селина, 2000.

⁴ Селин Л.-Ф. Безделицы для погромов (отрывок) /Пер. с фр. М. Климовой и В. Кондратовича/Селин в России. Материалы и исследования. Сборник под ред. М. Климовой. -СПб.:Общество друзей Л.-Ф. Селина, 2000.

скандалами. Тираж следующего расистского памфлета «Школа трупов» арестовывают по суду за клевету и за разжигание межрасовой вражды, и он будет уже опубликован в оккупированной Франции.

Андре Жид, который, как и Селин, побывал в Советском Союзе и написал своё «Возвращение из СССР», где также развеял радужные представления о советской действительности, за что, в свою очередь, удостоился тычков локтями и одёргиваний от литературных товарищей по дружбе со страной Советов, даже он, прочитав памфлеты, написал, что если это не шутка, то Селин полный псих.

Памфлеты были настолько одиозны, непотребны и возмутительны из-за своего антисемитизма и расизма, что возникли сомнения, не злая ли это пародия, что-то типа скандального в своё время трактата Даниэля Дефо «Простейший способ разделаться с диссидентами», где, напомним, Дефо, надев на себя маску консерватора, предлагал уничтожать диссидентов в Англии всеми возможными способами. Но, конечно, Селин и не думал, как Дефо, отождествлять автора своих памфлетов с другим, третьим лицом, он брал полностью свою «culpa» на себя и сам шёл к своему позорному столбу.

Как следствие, Селин собрал богатый урожай проклятий. Левая интеллектуальная элита возненавидела Селина. И до, и после войны её многие представители взрывались возмущениями при упоминании имени Селина. Только в го-

ды оккупации все предусмотрительно молчали. Клаус Манн, немецкий писатель, старший сын другого известного писателя, Томаса Манна, назвал Селина «злобным сумасшедшим». Роберт Кемп, известный французский критик писал что, когда читаешь последнюю книгу Селина, «кажется, будто полощешь рот помоями или госпитальными гнойными нечистотами». С ним соглашается и французский писатель-сюрреалист Бенжемен Пере, считая, что Селин «захлебнулся в выгребной яме».

Ещё хуже, Селин был заподозрен в примитивной продажности. По мнению Сартра, «если Селин и способен был поддержать социалистические идеи нацистов, то лишь потому, что ему заплатили, а в глубине души он в них не верил»⁵. Мысль Сартра высказывает и другой французский писатель-коммунист Роже Вайян в газете «Ля трибюн де насьон» от 13 января 1950 года в своей статье «Мы не пощадили бы больше Селина». Название же статьи не оставляет сомнений в намерениях автора. В статье, помимо обвинения в материальной заинтересованности, Роже Вайян вспоминает, как они хотели убить Селина, так как в годы оккупации, волей случая, ячейка Сопротивления, в которую входил Вайян, собиралась в квартире на улице Жирардон, которая располагалась над апартаментами, где жил знаменитый и ненавистный антисемит. Судьбе же было угодно второй раз сде-

---

⁵ Сартр Ж.-П. Портрет антисемита/Пер. с фр. Г. Ноткина.-СПб.:Азбука-классика,2006.

лать Вайяна и Селина соседями, но на этот раз на литературной полке, в 1957 году их книги были опубликованы одним и тем же издательством. В своей послевоенной трилогии («Из замка в замок», «Север», «Ригодон») Селин часто упоминает имена и Сартра, и Вайяна, жалея, что последнему не удалось осуществить желаемое:

«... но черт побери! я-то тут! еще не поздно! пусть он приходит, я жду!... я все время здесь, я никогда не выхожу, я специально жду опоздавших... одна весна... две... три... и меня уже здесь не будет... будет слишком поздно... я умру естественной смертью..»⁶.

Если до и после войны в мире литературы на Западе имя Селина вызывало хоть и негативные, но бурные толки, то для советских литературоведов Селин стал за гранью, где критика уже существовать не может. Это было все равно, что обсуждать порно в стране, где «секса нет». Изредка писались неповоротливые, квадратно-обличающие статьи. Например, А. Брагинский в журнале «Иностранная литература» №8 за 1957 год сетует на то, что Селину дали слово в виде интервью во французском журнале «Экспресс» на целых три страницы, и вообще отказывает Селину в звании писателя, называя его «бывшим писателем». Статья начинается с впечатляющего зловещего высказывания Селина: «Я верю в ненависть и смерть». Как тут не поверить в ненависть, ес-

---

⁶ Селин Л.-Ф. Из замка в замок/Пер. с фр. М. Климовой и В. Кондратовича.-М.:АСТ,2015.

ли автор советского журнала возмущен, почему ещё печатают Селина за рубежом? «Не происки ли это французских рваншистов?» – вопрошает Брагницкий.

Такое возмущение совкритика вызвал новый роман Селина «Из замка в замок». Это был первый роман из великолепной послевоенной трилогии («Из замка в замок», «Север», «Ригодон»), где Селин описывает свои перипетии, связанные с бегством из Франции в 1944 году, пребыванием вместе с коллаборационистским правительством Петена в немецком замке Зигмаринген и побегом из него в Данию. На страницах этих книг Селин описывает последние дни фашизма в Европе, чью тёмную сторону он принял.

Довольно символично, что последнюю книгу трилогии, «Ригодон», которую он редактировал буквально до последнего дня своей жизни, Селин посвящает животным, а своего кота Бебера делает одним из основных персонажей. Селин от своего антигуманизма переходит к откровенной мизантропии:

«Чьих только предсмертных судорог и где только я не наблюдал: в тропиках, во льдах, в нищете, в роскоши, за решеткой, на вершинах Власти, пользующихся всеобщим уважением, всеми презираемых, отверженных, во время революций, в мирное время, под грохот артиллерийской канонады, под звон новогодних бокалов... моему слуху доступны все оттенки звучания органа de profundis... но тяжелее всего, я

думаю, бывает: собакам!.. кошкам... и ежам...»⁷.

Вот так, я, пробежавшись в этом вступлении по биографии Селина и его творческому наследию, подошёл к основной теме своей книги. Конечно, моей монографии можно было дать скучное название, типа «Жизнь и творчество Луи-Фердинанда Селина», но, чтобы придать ей более изящную форму, я решил выступить в роли адвоката Селина (хотя конечно он вряд ли нуждается в моих услугах) и построить свою работу в виде восьми тезисов, восьми оправданий Селина перед читательской публикой. Эти же восемь оправданий Селина будут и восемью причинами его читать. Сам Селин оправдывался только один раз, когда готовился к реальному суду над собой, осенью 1946-го в Копенгагене. История сохранила защитительную записку Селина, написанную им тогда в тюрьме.

Эти и другие документы, показания современников Селина, свидетелей тех лет, факты его жизни и мои доводы будут представлены в его защиту. И, конечно же, цитаты из его произведений, так как ничто лучше не может оправдать Селина, чем его книги. В дальнейшем я не буду столь последователен в предъявлении документов по времени их возникновения, а буду приводить доказательную базу согласно выбранной мною структуры книги.

Признаюсь, задача, которую я поставил перед собой,

---

⁷ Селин Л.-Ф. Из замка в замок/Пер. с фр. М. Климовой и В. Кондратовича.-М.:АСТ,2015.

нелегка, слишком сложно будет взглянуть по-другому на «портрет антисемита», расиста, антигуманиста, мизонтропа, фашиста, коллаборанта, маргинала и нигилиста, каким был представлен выше Луи-Фердинанд Селин.

Оправдание первое. Селин – участник Первой и Второй мировых войн

В лучших традициях адвокатских речей начну я издалека и опишу то время, в котором жил Селин.

Новый двадцатый век начался не как хронологически положено у историков, в нулевом году, а в 1914-ом, когда разразилась Первая мировая война. Именно она стала новой вехой смены исторических парадигм, ломки старого мировоззрения и появлением новых систем оценки и восприятия окружающей действительности. Прошлый период истории напрямую был связан с именем королевы Виктории, через которую были объединены родственными узами практически все царственные династии Европы. Этот период в истории после кровавых наполеоновских войн ознаменовал себя относительным спокойствием. Бурно развивалась наука и техника. Открытия в медицине значительно увеличили продолжительность жизни человека. Цивилизация подходила к окончательному решению проблемы голода (мы, дети эпохи потребления, конечно, не можем осознать в полной мере даже постановки этого вопроса). Люди рассчитывали жить долго.

Однако через некоторое время после смерти королевы

Виктории в 1901 году в Европе стал нарастать политический кризис, и в 1914 году из-за нелепого повода началась война, втянувшая в себя страны нескольких континентов. Научные открытия, которые, по идее, должны были служить на пользу человечеству, были использованы на то, чтобы максимально сократить человеческую популяцию. Были изобретены станки-пулемёты и гусеничные танки, были отлиты пушки невиданных до сих пор диаметров и размеров. В небе появились первые цеппелины и бомбардировщики, а моря и океаны стали бороздить громадные дредноуты. Человечество открыло для себя химическое оружие – на войне безымянный солдат Первый мировой уже мог в первый и последний для себя раз обонять запах иприта и хлора. Человек перестал стесняться в применении немыслимых ранее массовых орудий убийств. Уничтожение людей было поставлено на поток. Не за горами было и создание ядерной бомбы, способной окончательно расколоть земной шар как орех. Классическую викторианскую эпоху с её пышными парадами, гарцующей конницей и барабанами, красочной солдатской формой и благородными методами ведения войны, навсегда смыло в океан прошлого.

Наступил глобальный кризис во всех в сферах человеческой деятельности: в политической, религиозной, культурной, социальной. Карта Европы была перешита лоскутами новых государств и геополитических образований. Пали три древнейшие империи – Австро-Венгерская, Российская

и Османская. На смену древним монархам в России и Германии пришли разночинцы Ленин и Гитлер. Судьба древнего рода, веками находящегося у власти в России, решилась в подвале ипатьевского дома. Религиозную концепцию христианства сменили три новорождённые массовые идеологии того времени: либерализм, коммунизм и фашизм, которые растащили, каждая на свои знамёна, знаменитые слова лозунга кровавой французской революции 1789 года: «Свобода, Равенство, Братство». Пророк Ницше, которого до сих пор считали сумасшедшим (в итоге, в конце своей жизни, он и сошёл с ума) восстал из гроба в умах мыслителей двадцатого века. Родилась новая наука – психоанализ. Доктора Фрейд и Юнг стали усиленно копать в глубинах бессознательного нового человека, человека двадцатого века.

Такие исторические катаклизмы и глобальные изменения, конечно же, не прошли мимо мира литературы. В парадигме классического реализма с его понятиями абсолютной веры в реальность, устаревшими понятиями о том, что такое хорошо и что такое плохо, после такой исторической катастрофы трудно было осмыслить происходящие изменения. Реальность стала такова, что осознать её рациональными методами стало не под силу человеку. Невозможно было объяснить и оправдать столь массовое уничтожение людей, когда на военных полях Европы каждый день собирали страшные урожаи в тысячи погибших жизней. Классический реализм, строящий свои сюжеты на конфликте между пред-

ставителями слоёв строго дифференцированного общества стал необъективен, так как, прежде всего, и такого общества с чётко ограниченными классами уже не существовало – впоследствии уже упомянутый выше никому неизвестный ефрейтор из окопов Первой мировой сможет забраться на вершину государственной власти.

Главным направлением литературы теперь становится модернизм, основными постулатами которого были субъективность какой-либо истины и необъективность реальности. Модернизм не был так категоричен как прямовлобый реализм; более гибкий, он всегда уходил от оценок. Модернизм больше всего интересовался душевной начинкой человека, его ощущениями, ассоциациями, мыслями. С широко закрытыми глазами модернисты стали описывать внутренний мир современного человека. Для этого изобретаются новые литературные приёмы, Джойс успешно использует приём «потока сознания» в своём центральном произведении «Улисс». Этот приём возьмут на вооружение множество писателей, в числе которых был и Селин.

Но были авторы, которые остались верны пути реализма, пусть не такого классического, как реализм девятнадцатого века. Эти писатели вышли из кровавой пены Первой мировой войны, и почти сразу же нырнули в надвигающийся вал Второй мировой. Многие из них пошли добровольцами на фронт и на собственной шкуре пережили окопы, обстрелы, смерть только что стоявших рядом товарищей. В этой

бойне они выпили до дна, подобно древнеиндийскому Шиве, весь горький яд изменившейся действительности и, переварив его, выплеснули свои впечатления на страницы книг. Этот страшный опыт нашёл своё отражение не только в написанных ими произведениях, но и, конечно же, сказался, прежде всего, на них самих.

Самые известные из этих писателей – Хемингуэй и Ремарк, но я, пожалуй, добавлю к ним в компанию великолепного Эрнеста Юнгера, немецкого писателя и философа, к сожалению, не так широко известного в России по той же самой причине, что и сам Луи-Фердинанд Селин (а именно принятие фашизма).

Все эти писатели по удивительной случайности остались живы, впрочем, как и все выжившие солдаты первой мировой. Можно предположить, сколько несостоявшихся авторов тогда нашли свою смерть, но нужно и отметить, что, прежде всего, именно война сделала вышеприведённых авторов писателями. Селин, например, как следует из его интервью⁸, становится им и не собирался, он работал врачом, но он был знаком с Эженом Даби, «левым» писателем, который стал известен благодаря своей повести об участии людей военного поколения под названием «Северной отель». Селин в этом интервью говорит, что ему тоже было что вспомнить, и вот он решил попробовать.

---

⁸ Бонфуа К. Л.-Ф. Селин рассказывает о своей юности/Пер. с фр. И. Радченко.//Иностранная литература.-№9, 2001.

Каждый из приведённых мною авторов прошёл свой собственный путь в этой войне, и только тяжёлые ранения заставили всех четверых сойти с кровавой дистанции. Эти писатели настолько разные, что я их привожу здесь и ставлю в один ряд, чтобы сравнить и выделить обсуждаемого Селина на их фоне.

Хемингуэй и участием в этой войне, и своим последующим образом жизни, своей неуёмной жаждой приключений и желанием поиграть со смертью, доказал, что он представляет собой классический тип благородного авантюриста. Крепколобый американец, увлекающийся боксом и футболом, очень хотел служить в армии, но его не брали из-за плохого зрения, и он в возрасте 19 лет, очевидно, в поисках острых ощущений едет воевать добровольцем на другой континент, на итальянский фронт. Война, как говорится, ему немного «вправляет мозги» и, несмотря на то, что он возвратился в Америку в 1919 году героем, награждённым двумя медалями, он позднее, в 1942 году, скажет:

«Я был большим дураком, когда отправлялся на ту войну. Я припоминаю, как мне представлялось, что мы спортивная команда, а австрийцы – другая команда, участвующая в состязании»⁹.

Эрих Мария Ремарк добровольцем на фронт не пошёл, его призывали, как и сотни тысяч других немцев. На страницах его основного произведения, антивоенного романа «На за-

---

⁹ Грибанов Б. Хемингуэй.-М.:Молодая гвардия,1971.

падном фронте без перемен» описан весь ужас Первой мировой: обстрелы артиллерией, газовые атаки, страх смерти умирающих в лазарете, постоянные потери однополчан. К концу романа из набора добровольцев, с которым пошёл главный герой Пауль, не остаётся в живых никого. Видно, что через этот роман автор выразил своё негативное отношение к этой войне и свою ненависть к ура-патриотизму. Роман пропитан морализаторством. Сцена, когда Пауль, заблудившись в окопах, убивает француза, а потом вынужденно проводит с его мёртвым телом сутки, ведя с ним немой диалог, настолько пафосна, что закрадываются сомнения в её правдивости. Подобное морализаторство в военной прозе, только с романтически-сентиментальным уклоном, было и у другого писателя, «военного лётчика» Антуана де Сент-Экзюпери, которого Первая мировая миновала, но угробила уже Вторая.

Другой взгляд на войну, отличный от взгляда Ремарка, у Эрнста Юнгера, хотя они воевали и по одну сторону линии фронта. Юнгер в своих военных дневниках, изданных под названием «В стальных грозах», описывает вроде те же страшные и тяжёлые сцены, что и Ремарк. Быт и будни окопной войны, гибель и смерть товарищей, всё практически то же самое, что и у Ремарка, вплоть до любовных похождений к французским женщинам, можно найти в дневниках Юнгера. Но в то же время слова Юнгера наделены некоей уверенностью и достоинством воина. В его военной прозе

нет экспрессивно-негативных оценок действительности, как будто автор отрешённо смотрит со стороны на происходящее, в том числе, и на себя самого. Это дневники человека, который, попав в такие обстоятельства, не пытается их изменить, а принимает их. Для того чтобы моя мысль была более понятной, приведу строчки из Хагакуре, книги самурая:

«Попав под дождь, ты можешь извлечь из этого полезный урок. Если дождь начинается неожиданно, ты не хочешь намокнуть и поэтому бежишь по улице к своему дому. Но, добежав до дома, ты замечаешь, что все равно промок. Если же ты с самого начала решишь не ускорять шаг, ты промокнешь, но зато не будешь суетиться. Так же нужно действовать в других схожих обстоятельствах.»¹⁰.

По сути, дневники Юнгера это и есть дневники самурая. Среди писателей, участвовавших в Первой мировой войне, на его долю выпал, пожалуй, самый богатый опыт. Он был на фронте с декабря 1914 по ноябрь 1918 и был ранен 14 раз. На своих страницах вместе со своими штурмовиками он с тростью в одной руке и пистолетом в другой бодро прогуливается по вражеским траншеям:

«Великий миг настал. Вал огня прокатился по передним окопам. Мы пошли в наступление. Со смешанным чувством, вызванным жаждой крови, яростью и опьянением, мы тяжело, но непреклонно шагали, надвигаясь на вражеские ли-

---

¹⁰ Цунэтомо Я. Хагакурэ/Книга самурая/Пер. с яп. Котенко Р.В,Мищенко А. А.-СПб.:Евразия,1998.

нии. Я шел вдали от роты, сопровождаемый Финке и одним новобранцем по имени Хааке. Правая рука сжимала рукоять пистолета, левая – бамбуковый стек. Я кипел бешенным гневом, охватившим меня и всех нас самым непостижимым образом. Желание умерщвлять, бывшее выше моих сил, окрыляло мои шаги. Ярость выдавливала из меня горькие слезы. Чудовищная воля к уничтожению, тяжёлым грузом лежавшая над полем брани, сгущалась в мозгу и погрузила его в красный туман. Захлебываясь и заикаясь, мы выкрикивали друг другу отрывистые фразы, и безучастный зритель, наверно, подумал бы, что нас захлестнул переизбыток счастья.»¹¹.

Можно даже сказать, что Юнгер, в отличие от Хемингуэя, действительно воспринимал войну как соревнование на открытом воздухе. Вообще, Эрнст Юнгер – это тема для отдельной книги, его дневники – это летопись 20 века, он прожил 102 года, помимо опыта Первой и Второй мировых войн, успел даже поэкспериментировать с ЛСД.

Селин являлся полной противоположностью всех приведённых выше писателей, и в особенности Юнгера. У Селина не было такой жажды испытывать судьбу как у Хемингуэя, в его произведениях нет морализаторства как у Ремарка, тем более, нет юнгеровского достоинства и уверенности. Только бурная фантазия пост-модерниста Гюнтера Грасса позволи-

---

¹¹ Юнгер Э.В стальных грозах/Пер. с нем. Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной.-СПб.:Владимир Даль,2000.

ла объединить Ремарка, Юнгера и Селина в своём произведении, связав их воображаемым диалогом:

*«Да кто вообще остался кроме нас? – вопрошал {Ремарка} Юнгер. – Хотя да, у французов есть еще этот сумасшедший Селин...»*¹².

В действительности Юнгер в силу противоположности взглядов вряд ли мог встречаться с Ремарком и мило с ним беседовать, он считал его «пустым бесталанным бонвиваном с претензиями», а Ремарк, не оставаясь в долгу, презирал Юнгера за «сухой солдафонский писательский стиль».

А вот с Селином Юнгер действительно встречался в оккупированном Париже, у истории «бывают странные сближения». Эта встреча на одном мероприятии в Немецком институте произвела на Юнгера негативное впечатление. В его дневнике, «Излучения», где его глазами представлена уже Вторая мировая война, есть запись от 7 декабря 1941 года, где Селин у него фигурирует под именем Мерлин:

*«...Мерлин, высокий, костлявый, сильный, неотесанный, но яростный в дискуссии, или, скорее, в монологе. У него отстранённый взгляд маньяка, глаза прячутся под надбровными дугами, словно в пещерах. Он не смотрит ни влево, ни вправо; кажется, он следует какой-то неизвестной цели. „Смерть всегда при мне“, – и он тыкает пальцем возле кресла, будто там лежит его собачонка...»*¹³.

---

¹² Грасс Г. Моё столетие/Пер. с нем. С. Фридрианд.-СПб.:Амфора,2013.

¹³ Юнгер Э. Излучения (февраль 1941-апрель 1945) /Пер. с нем. Н. О. Гучин-

Оптимиста Юнгера (причислим Юнгера к ним) тогда весьма удивил «невероятный нигилизм» речей Селина. Действительно, нельзя не согласиться, взрывной нигилизм – вот основа творчества Селина, и пережитый опыт Первой мировой войны сыграл здесь основную роль. Этот взрывной нигилизм проявляется с первых страниц романа «Путешествия на край ночи». Главный герой, Бардамю, после начала войны спорит со своим патриотически настроенным собеседником в парижском кафе:

«Нация, как ты выражаешься, – это всего-навсего огромное скопище подонков, вроде меня, гнилых, вишивых, промерзших, которых загнали сюда со всего света голод, чума, чирьи, холод. Дальше-то уже некуда – море. Вот что такое твоя Франция и французы.»¹⁴

Селин с помощью монолога своего героя заявляет, что патриотизм нужен классу господ, только чтобы заставить воевать низшие классы «родины номер один» за интересы хозяев с такими же подневольными с «родины номер два». Именно эта мысль, предполагающая классовое деление, поначалу позволила «левым» интеллектуалам ошибочно причислить Селина к своему лагерю. Потом в романе дело принимает неожиданный поворот: Бардамю, как бы в шутку пристраивается к полку добровольцев, в то время как со-

---

ской, В. Г. Ноткиной.-СПб.:Владимир Даль,2002.

¹⁴ Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи/Пер. с фр. Ю. Б. Корнеева.-М.:Прогресс-Бестселлер,1994. – *здесь и далее*

беседник-патриот остаётся в кафе. Когда Бардамю понимает, что он попал не туда и нужно «давать дёру», уже поздно: «за нами, гражданскими, по-тихому закрыли ворота. Мы, как крысы, угодили в ловушку».

Повествование селиновского Бардамю о его приключениях на войне напоминают «Похождения бравого солдата Швейка», с таким юмором они написаны, но сквозь слой юмора проглядываются все те же сцены смерти и разрушений. Юмор, наложенный на эти картины, делает всё происходящее абсурдом, «невиданным международным спектаклем», «нелепой резнёй». Военное приключение Бардамю началось абсурдно и во всей войне его глазами Селин видит только абсурд и нелепость:

«Вдали, очень-очень далеко, посреди шоссе чернели две точки – точь-в-точь как мы, только это были немцы, уже добрых четверть часа стрелявшие без остановки. Наши полковник, может, и знал, почему эти двое палят; немцы, пожалуй, тоже знали, а я, ей-богу, нет. Сколько ни копался в памяти, одно скажу: ничего худого немцам я никогда не делал. Всегда был с ними до упора любезен, до упора вежлив...».

О юморе Селина мы поговорим в дальнейшем поподробнее, у нас припасена для этого отдельная глава.

Герой Селина – авантюрист, но отнюдь не благородный. Тем более он не самоотверженный воин, не герой, извините за каламбур, а он, как сам себе и признаётся, трус, «сре-

ди двух миллионов героических психов, сорвавшихся с цепи и вооруженных до зубов». «Долго ли будет тянуться этот бред, когда же эти чудовища вымотаются и уймутся? Долго ли может длиться такой припадок? Месяцы? Годы? Ну, сколько? Не до всеобщей ли гибели этих психов?» – недоумевает Бардамю. И если, простите за тавтологию, герои героически погибают, то он цинично размышляет «как половчее в плен угодить», тем самым спасти себе жизнь. Война сделала Бардамю (и Селина) убеждённым пацифистом: «Я не принимаю войну целиком, не принимаю людей, имеющих к ней касательство, я не желаю иметь ничего общего ни с ней, ни с ними. Пусть их девятьсот девяносто пять миллионов, <...> а прав я, потому что я один знаю, чего хочу: я больше не хочу умирать». Обман, лицемерие, хитрость – любые способы хороши, чтобы избежать той участи, которую тебе уготовили другие. Причём другие это не только те, которые находятся по другую сторону колючей проволоки и стреляют в тебя, но и патриоты в тылу, восторженные дамочки, требующие подвигов и самопожертвования, толпа, которая машет флагами, провожая и подталкивая тебя на пулемёты. В определении войны Селин более эмоционален, чем Ремарк:

«...война, это сволочное беспредельное помешательство, которое заставляло одну половину человечества, любящую или нет – не важно, гнать на бойню другую половину».

Троцкий почему-то в своей статье «Селин и Пуанкаре» назвал Селина моралистом. Это не так, позволю себе не со-

гласиться со знаменитым революционером. В своём «Путешествии...» сам Селин избегает моральных оценок, он ставит себя вне морали, предоставляя читателю делать выводы, если, конечно, читатель сам этого захочет. Селин не обличает войну, он не берёт на себя роль проповедника, он взамен этого представляет войну чудовищным абсурдом. И причину возникновения войны он находит в самих людях. *«Людей, только людей – вот кого надо бояться. Всегда»* – вот его приговор человечеству.

Селин диагностирует в человеке неизлечимую болезнь, и эта болезнь – стремление к смерти. Другого влечения, влечения к жизни, в человеке он, как, например, Фрейд в своих исследованиях, не находит. В 1933 году в своей первой (и последней) публичной речи на мероприятии, посвящённом годовщине смерти Золя, Селин констатирует это бессмысленное и беспощадное стремление человека, заставляющее причинять страдание другим и самому страдать, не насыщаясь:

*«Единодушный садизм нашего времени происходит прежде всего от стремления к небытию, глубоко укорененного в Человеке и особенно в человеческой массе, от своего рода любовного нетерпения, которому почти невозможно противостоять, всеобщей страсти к смерти.»*¹⁵.

На страницах своих романов он презирает всех, и это

---

¹⁵ Селин Л.-Ф. Отдавая дань Золя/Пер. с фр. А. Гальего и С. Юрьенена/Селин в России. Материалы и исследования. Сборник под ред. М. Климовой.-СПб.:Общество друзей Л.-Ф. Селина,2000.

не высокомерное презрение, так как Селин презирает в том числе и себя, так как и он «esse home», он вынужден лицемерить и мимикрировать в тяжёлых условиях, чтобы выжить. Селин презирает Человека с большой буквы, который необоснованно возомнил себя центром вселенной, который растопил кровавые бани Первой и Второй мировых войн, Человека, в котором нет кантовского категорического императива на убийство, который эксплуатирует ради наживы других, подобных себе, заставляя их жить в нечеловеческих условиях.

«На свете существуют потроха. Видели вы, как в деревнях устраивают розыгрыши бродягам? Берут старый кошелек и набивают тухлыми куриными потрохами. Так вот, говорю вам, человек – такой же кошелек, только большой, подвижный, жадный, а внутри – пищик», – пишет Селин¹⁶.

Главный герой «Путешествия...» Селина, в отличие от героя Ремарка, аморален. У Бардамо нет друзей на фронте, рядом с ним нет ни одного положительного персонажа. Всех своих начальников, старших по званию он считает исключительно сволочами и желает им всем скорейшей смерти. Если Пауль, герой книги «На западном фронте без перемен», получив отпуск, навещает мать своего убитого однопольчанина с целью успокоить и разделить её скорбь, то Бардомю с товарищем в аналогичной ситуации преследуют

---

¹⁶ Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи/Пер. с фр. Ю. Б. Корнеева.-М.:Прогресс-Бестселлер,1994.

одну цель – обратить её скорбь и своё сочувствие в деньги. Чтобы получить привилегии и признание в обществе, Бардамяю врёт о своих подвигах, а чтобы не попасть на войну, активно симулирует перед врачами. Нужно правда отметить, что во всех аморальных поступках Бардамяю только следует чьему-то примеру или участвует как пассивный соучастник. Он «не совершил ничего по-настоящему преступного», Селин всё-таки не даёт ему полностью взять на себя тяжесть содеянного, и не даёт ему самому совершить каких-то уж совсем запредельных поступков. Наверное, это сделано Селином, чтобы удержать читателя в своём дебютном романе, чтобы тот не отверг главного героя, через которого ведётся всё повествование, чтобы между читателем и героем была сохранена связь.

Но не будем отождествлять самого Селина с его же Бардамяю. Во всяком случае, Селин точно трусом не был, о чём свидетельствуют и его ранение, и его награды (о них я упоминал уже во вступлении). Когда началась Вторая мировая война, Селин снова просился добровольцем и в качестве врача успел поработать на военном судне, что тоже свидетельствует в его пользу.

Если разрыв между самим Селином и героем «Путешествия на край ночи» существенен, то уже последние романы Селина, а именно, трилогия из книг «Из замка в замок», «Север», «Ригодон», чуть ли не полностью автобиографичны. Они описывают злоключения автора уже во Вторую ми-

ровую. Селин тогда непосредственно в боевых действиях не участвовал, но на его долю достались всевозможные лишения и тяготы гражданского лица во время войны. Голод, болезнь, контузия сопровождали Селина при его бегстве через пол-Европы под бомбами авиации союзников. Эти страдания многократно усилили его антигуманизм. Его обвинения человечеству приобретают апокалиптический характер:

«...этот порядок установился задолго до Рождества Христова!.. нашу болтовню никто не слушает!.. на театральных постановках все зевают! кино, телевизор... и вдруг, бац – катастрофа! и верхи, и низы жасждут одного: крови!.. циркового представления!.. с предсмертными хрипами, стонами, полной ареной внутренностей!.. нет, шелковые гольфы, накладные сиськи, вздохи, усы, Ромео, Камелии, Рогоносцы... их больше не устраивают!.. им подавай Сталинград!.. горы оторванных голов! Героев с членами во рту! победители грандиозного фестиваля возвращаются с тележками полными окровавленных глаз...»¹⁷.

Все свои достижения в науке и технике человеческая цивилизация, в конце концов, использовала, чтобы саму себя уничтожить, Селин видит *«в этом гениальность Архимеда, Ньютона и Паскаля»¹⁸*. Свой приговор Селин вынес из сво-

---

¹⁷ Селин Л.-Ф. Север/Пер. с фр. М. Климова, В. Кондратович.– СПб.:Ретро,2003.

¹⁸ Селин Л.-Ф. Феерия для другого раза I. Феерия для другого раза II (Норманс).Бойня/Пер. с фр. Е. Н. Юрченко.-Харьков: Фолио,2003.

его личного опыта. Ведь если, перефразируя Ницше, заглянуть в бездну, то и бездна посмотрит в тебя. И, судя по его произведениям, бездна Первой мировой войны, из которой он вышел контуженым инвалидом, и бездна Второй, которая сделала его уже законченным мизантропом, сильно всмотрелись в него.

Оправдание второе. Путешествие Селина

В этой главе речь идёт не только об одноименном, самом известном произведении Селина, а в целом о лейтмотиве путешествия в его творчестве. И опять же я начну издалека.

Архетип путешествия, с древних времён присутствует в бессознательном человека. С момента своего появления человек вынужден был бороться за своё выживание, преодолевать катаклизмы и негативные природные явления, со своим племенем отражать внешнюю агрессию себе подобных из других племён. Человек постоянно находился в поисках лучшего места для проживания, так как условия жизни, сама жизнь не статичны и изменчивы по всем законам материального мира. Великими переселениями народов, воинскими походами, географическими открытиями пестрит история человеческой цивилизации. Находясь в одном месте, человек увядает, деградирует. Человеку требуется динамика. Даже сейчас, в относительно благополучных условиях, с созданным бытовым комфортом, человек нуждается в движении, в путешествии. При движении, меняющиеся зрительные образы окружающей действительности, виды городов и ландшафтов природы будоражат мозг, возбуждают. Осуществление своего желания путешествовать современ-

ный человек находит не только в каких-либо туристических поездках за рубеж или по территории своей страны, не только непосредственно с помощью физических перемещений себя в пространстве, но и удовлетворяет его с помощью различных симулякров. Например, самые последние из созданных прогрессом – это компьютерные игры-квесты. Также это и различные телепрограммы, художественные и документальные фильмы. Ну и, конечно же, книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.